

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СКАНДИНАВСКИЙ
СБОРНИК

XX

(Отдельный оттиск)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭЭСТИ РААМАТ»
ТАЛЛИН 1975

ОБ ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ВАРЯЖСКОМУ ВОПРОСУ.

Для того, чтобы определить свою позицию в норманском вопросе, я приведу определение норманизма Б. Д. Грековым, которое считаю отражающим суть проблемы. «Под норманизмом мы понимаем «теорию», «доказывающую» неполноценность русского народа, его неспособность создать свою культуру и государственность, утверждающую за варягами-норманами роль основателей русского государства и творцов русской культуры»¹.

Приведу также высказывание известного филолога А. И. Попова, который писал, что полемика норманистов и антинорманистов «в наше время потеряла всякий интерес и значительность, после того как были окончательно установлены истинные, внутренние органические причины возникновения Древнерусского государства — в основном на восточнославянской почве со значительным участием чудских племен и скандинавских наемных дружин, явившихся сюда гораздо позже, после того как экономические предпосылки для образования государственного организма уже сложились вполне»².

Таким образом, А. И. Попов считает единственным предметом спора вопрос о Древнерусском государстве, оставляя за пределами норманского вопроса его остальные аспекты, указанные Б. Д. Грековым. Так же формулирует суть проблемы А. М. Сахаров в «Советской исторической энциклопедии»³. К ним же присоединяется Л. С. Клейн, который пишет: «Главная особенность, отличающая всех советских ученых от большинства северных и западных исследователей, есть марксистское положение о происхождении государства из социо-экономического процесса эволюции и классовой дифференциации;

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 561.

² А. И. Попов. Названия народов СССР. Л., 1973, стр. 61.

³ Советская историческая энциклопедия, т. 10, стр. 348—349, статья «Норманская теория».

определяет именно эта точка зрения, а не этническая принадлежность (в том или ином виде) верхнего социального слоя»⁴.

Думаю, что ограничение норманского вопроса проблемой происхождения Древнерусского государства таит в себе ряд опасностей. Оно дает возможность Л. С. Клейну заявить: «Ни я, ни мои соавторы не считаем нашу позицию норманистской»⁵. Получается, что между советскими и буржуазными (отнюдь не «северными» и «западными») историками по остальным сторонам проблемы разногласий нет. Л. С. Клейн, умело подбирая цитаты, стремится показать, что уже многих видных советских историков нельзя причислить к антинорманистам, что антинорманизм в советской исторической науке не моден.

Л. С. Клейн, его ученики и соавторы — Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко, В. А. Булкин — выступили с рядом статей, пересматривающих утвердившиеся в советской науке основные решения норманской проблемы, обоснованные А. В. Арциховским, Б. А. Рыбаковым, М. Н. Тихомировым и др. Эти статьи вызывают возражения в конкретно-историческом плане, иначе говоря, в методах привлечения источников и приемах освещения общеисторического фона⁶. Данная статья посвящена именно методам использования источников. Я оставляю в стороне многие, иногда кардинальные вопросы норманской проблемы.

Варяжский вопрос по археологическим данным обсуждается в научной литературе уже много десятков лет. С течением времени стали ясны многие спорные вопросы, решения других до сих пор многозначны главным образом из-за недостаточного количества источников. Сумма источников в последние годы возросла в несколько раз. Раскопан 431 курган в Ярославском Поволжье, почти 250 — в Гнёздове, исследовались и другие курганные группы, обычно привлекаемые для выводов по поставленной проблеме, а также города и селища, в первую очередь Новгород, на мнимый варяжский характер которого в IX—X вв. любят ссылаться норманисты. Казалось бы, появились все возможности движения вперед, тем не менее во многих случаях происходит топтание на месте и даже возврат на старые позиции. Я полагаю, что такое положение в значительной мере объясняется некорректным подходом к источникам.

Центром дискуссии поныне является материал раскопок гнёздовских курганов под Смоленском. Видимо, с самого начала исследования Гнёздова, с которого прошло уже сто лет

⁴ L. S. Klein. Soviet Archaeology and the Role of the Vikings in the Early History of the Slavs. — Norwegian Archaeological review. Vol. 6. No. 1, 1973, p. 3.

⁵ Ibidem.

⁶ См. также: А. Г. Кузьмин. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси. «Вопросы истории», 1971, № 2.

(1874 г.), наиболее активно обсуждается именно проблема этноса — этнической принадлежности людей, погребенных в его курганах, — та самая проблема, которая якобы не играет роли в норманском вопросе. Еще В. И. Сизов заключил, что в гнёздовских курганах погребены славяне, варяги и балты, причем славяне там преобладали⁷. Определение критерия для вычленения славянских погребений затянулось надолго. Его нашел в 1966 г. И. И. Ляпушкин, предложивший считать славянскими малоинвентарные и безынварные курганы, что в общем правильно и соответствует славянскому погребальному обряду⁸. Но И. И. Ляпушкин при этом допустил грубую ошибку в их датировке, о чем будет сказано ниже.

И. И. Ляпушкин преуменьшил число возможных славянских погребений в Гнёздове, считая, что их было около 40%. Это произошло потому, что он обратился не к изданным дневникам раскопок, а умозрительным заключениям. Ошибочные подсчеты были подхвачены группой археологов ЛГУ, чтобы доказать наличие в Гнёздове значительного количества варягов⁹. Таким образом, эта идея воскрешается в работах наших современников и соотечественников.

Если же рассматривать вопрос методически, то от сопоставления процентных соотношений здесь нужно отказаться, так как примерно две трети гнёздовских насыпей не раскопано, а поэтому нет гарантии, что в дальнейшем соотношение останется неизменным. Ведь все исследователи отмечали, что раскопаны наибольшие курганы, богатейшая часть группы. С каждым годом растет число «пустых» раскопанных курганов, а курганов с инвентарем встречается все меньше, т. е. соотношение увеличивается в пользу славянских насыпей. Если все-таки прибегнуть к цифрам, то подсчет малоинвентарных и безынварных курганов по дневникам раскопок дает такие показатели. В раскопках С. И. Сергеева таких насыпей не менее 60 из 96, в раскопках И. С. Абрамова — не менее 15 из 24, в моих раскопках — 100 из 150 (отбрасывая раскопанные ранее колодцами). Итого на 270 раскопанных насыпей приходится 175 безынварных и малоинвентарных, т. е. почти 65%, или на 25% больше, чем у И. И. Ляпушкина.

Удивляет также некорректное отношение И. И. Ляпушкина к необоснованному утверждению В. И. Сизова, будто бы урны в курганах расположены так близко к поверхности, что они

⁷ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. СПб., 1902, стр. 123, 125.

⁸ И. И. Ляпушкин. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.) — Сб. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 127—136.

⁹ Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. — Сб. «Исторические связи Скандинавии и России». Л., 1970, стр. 226—252.

могли из кургана выпасть¹⁰. Ученик Ляпушкина даже цитирует слова Сизова, что урны могли, мол, нащупать ногой пастухи и выкопать их¹¹. Видимо, это ошибочное место выгодно для цитирующего. За время работы Смоленской экспедиции с 1947 г. по настоящее время не было случая, чтобы можно было нащупать сосуд, а ведь во время топосъемок мы побывали на каждом кургане. Не было замечено ничего подобного и во время раскопок, хотя иной раз раскапывались курганы, которые распахивались много лет и, несмотря на это, имели сосуды в верхней части насыпи¹².

А. Котляревский показал славянскую принадлежность обряда битья посуды на похоронах¹³, и его аргументов пока еще никто не опроверг, а уже поэтому нельзя объявлять эту черту обряда скандинавской¹⁴.

Критерием для вычленения варяжских погребений является прежде всего погребальный обряд. Для исследования погребальных обычаев весьма важно наблюдение В. Я. Петрухина, что множественность наборов черт погребального обряда соответствовала (по крайней мере — у скандинавов) множественности представлений о загробном мире. Таким образом, нельзя ожидать стандартного набора, одинаковых характеристик скандинавских погребений ни в самой Скандинавии, ни за ее пределами. Так, для варяжских погребений на нашей территории можно признать типичными только, во-первых, погребение в ладье (хотя такие встречаются не только в Скандинавии, а части ладьи знаменовали карельские погребения даже в XX веке); во-вторых, возложение на урну или остатки костра железной гривны с молоточками Тора (хотя они встречаются и не на всей территории Скандинавии), и, наконец, погребение в национальном наряде с набором определенных фибул. Приходится отвергнуть как этнический признак каменные конструкции, распространенные не только в Скандинавии, но и в Юго-Восточной Прибалтике. Исключается и погребение с конем, встречающееся у многих народов, в первую очередь — у балтов. Глиняные вымостки известны, кроме Скандинавии, например, в длинных курганах. Даже кости козла, которые так соблазнительно связать с культом этого животного и сопоставить с рассказом о козлах Тора, приходится исключить из числа этнических индикаторов. Возможно, сочетания всех этих нетипичных

признаков при наличии в погребении скандинавских вещей могут быть использованы в качестве этнического показателя¹⁵, но никто еще не исследовал их взаимовстречаемость как в могилах скандинавов, так и других народностей.

Несмотря на малую вероятность заимствования погребального обряда, он может оказаться смешанным, хотя бы во второстепенных проявлениях. Примером могут быть разноэтничные парные погребения, например, мужчины-балта с женщиной-скандинавкой. Вряд ли следует сомневаться, что женщина будет положена на костер в национальном наряде, а основным обрядом погребения может оказаться балтский.

Ввиду явной ошибочности попытки определить ориентировку и этнос погребенного по положению вещей в кострище, которое сгребли к центру, я не буду останавливаться на анализе этого случая¹⁶.

При решении вопросов этноса долгое время главное внимание уделялось исследованию инвентаря. Он, конечно, сохранил свое значение. Для привлечения вещей к решению этнических проблем эти вещи должны быть сами этнически характерными или по крайней мере определяемыми. Вспомним, что до работ А. В. Арциховского каролингские мечи категорично объявлялись скандинавскими¹⁷. Ныне они утратили мнимое качество этнического индикатора и только иногда, впрочем, справедливо, указывают, что такие мечи могли быть привезены на Русь скандинавами. Но привезены были не все: А. Н. Кирпичников доказал местное производство мечей на Руси.

А. В. Арциховский показал, что ромбовидные стрелы являются русскими, а лопатовидные — скандинавскими. Вряд ли следует обращать внимание на заявление Т. Арне, что ни те, ни другие не могут привлекаться для решения этнических проблем¹⁸.

Скорлуповидные фибулы — несомненно, изделия скандинавские, но этническим определителем они стали только после работ А. Гейер, доказавшей, что они были частью национального (племенного) женского паряда особого покроя и носились в определенном строгом соответствии с костюмом¹⁹.

Думаю, что еще не доказан, и вряд ли будет доказан норманский характер «ледоходных» шипов, замков, ключей, кре-

¹⁵ Д. А. Авдусин. Скандинавские погребения в Гнёздове. — «Вестник Московского университета», 1974, № 1.

¹⁶ В. В. Седов. Следы восточнобалтского погребального обряда в курганах Древней Руси. — «Советская археология», 1961, № 2, стр. 105.

¹⁷ Напр.: Я. В. Станкович. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), вып. 6, М.—Л., 1941.

¹⁸ Т. Arne. Det vikingatida Gnezdovo Smolensks foregangare. Arkeologiska forskningar och fynd. Stockholm, 1952.

¹⁹ BIRKA, III. Die Textilfunde aus den Gräben. Uppsala, 1938.

¹⁰ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 30, 32.

¹¹ В. А. Булкин. О так называемых пустых курганах Гнёздовского могильника. — «Краткие сообщения Института археологии». (Далее: КСИА), вып. 135, М., 1973, стр. 121.

¹² Таковы, например, курганы № Ц-117, Ц-16.

¹³ А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. 1868.

¹⁴ И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965.

сал²⁰. Даже «наборы» таких вещей — не слишком сильный аргумент при этнических определениях, так как сначала надо выяснить — не встречаются ли такие «наборы» вне Скандинавии и скандинавских древностей.

Следует также признать, что отсутствие тех или иных характерных предметов еще не говорит об отсутствии представителей этнической группы, для которых эти вещи характерны. Таково положение с руническими стеллами, которых практически нет в Восточной Европе. Это и понятно: такие стеллы появляются в Скандинавии тогда, когда на наших реках уже нет норманнов. То же можно сказать о славянских височных кольцах: их почти нет в Гнёздове потому, что не пришло еще время распространения этих украшений.

В. И. Сизов, В. В. Седов, Е. А. Шмидт показали, что в Гнёздове имеются и следы балтского погребального обряда²¹. Однако практически число балтских погребений, которые удалось отчленить, ничтожно. Вряд ли (по крайней мере пока) мы можем говорить о том, что эта группа населения была значительной, хотя ее численность пытаются преувеличить.

В вопросе о времени появления варягов на Верхнем Днепре группа археологов ЛГУ ссылается прежде всего на статью Е. А. Шмидта о раскопках Новоселковской курганной группы²².

Основной опорой датировки Е. А. Шмидтом курганов этой группы является моя датировка четырехугольной насыпи в Гнёздове, высказанная вполне предположительно, которую теперь следует отбросить. Она исходила из неверного предположения А. А. Спицына о том, что в Гнёздове якобы произошло смешение погребальных обрядов кривичей и скандинавов, в результате чего «кривичские курганы обратились в плоские насыпи разной величины, почти круглой формы». Подобного смешения обрядов быть не могло. Кроме того, моя ссылка в датировке бус по киевскому некрополю IX веком оказалась теперь неверной — киевские могилы относятся к X в. Не оправдалось и противопоставление призматических и 14-гранных бус. Встреченная в гнёздовском кургане монета датируется широко — от начала IX до начала X века и нет оснований сужать ее датировку. Таким образом, ссылка на гнёздовский курган — а это главный аргумент Е. А. Шмидта — несостоятельна, и этого не могли не заметить ленинградские археологи. Ссылка Е. А. Шмидта на дату найденного в кургане № 5 Новоселковской группы меча также ошибочна: Е. А. Шмидт дати-

рует его «до 800 года». По А. Н. Кирпичникову этот меч относится ко второй половине IX в. и, следовательно, вполне мог бытовать и в X в., тем более, что другие мечи из Новоселок относятся ко времени от конца IX до начала X в.

По мнению Е. А. Шмидта, курган № 5 из Новоселок включал «ряд предметов, бытовавших в IX веке». Однако эти предметы не указаны, кроме пинцета, который не имеет столь узкой даты, хрустальных бус, которые также не датируют. Все остальные вещи, найденные при раскопках Е. А. Шмидта, тоже не дают точной даты. Ссылка Е. А. Шмидта на погребальный обряд вряд ли может быть принята. Он пишет, что в Новоселках найдены не сломанные мечи, а это будто бы ранний признак. Е. А. Шмидт отмечает, что «отдельные погребения» совершались и в X веке. Я также не согласен с утверждением, позднее повторенным, что Новоселки будто бы дают основание говорить о «переплетении разных культур» на рубеже IX—X вв.

Как видно, вся система доказательств ранней даты Новоселок весьма шатка. Ее окончательно подрывают вещи, найденные при раскопках в 1968 г. Производивший их С. С. Ширинский правильно отмечает, что скандинавские фибулы из Новоселок датируются или X веком в целом, или более конкретно — второй половиной X века. И тем не менее Ширинский вынес в заглавие своей статьи неправильную дату этого памятника²³. Никаких датирующих данных для IX века здесь опять не найдено.

Группа ЛГУ использует даже отсутствие слоя IX века в Новгороде²⁴. Логика простая: в Новгороде такого слоя нет, но он есть в Ладоге, где он скандинавский. Читатель подводится к выводу, что и в Новгороде он должен быть скандинавским, тем более, что в Новгороде, мол, есть вещи скандинавских типов. Но, во-первых, ранюю Ладогу вряд ли можно считать славянским городом, а поэтому ее нельзя сравнивать с Новгородом. Во-вторых, при огромных размерах новгородских раскопок перечисленные вещи, если их даже посчитать скандинавскими, — капля в море русских вещей.

Упомянутые авторы стремятся решить вопрос о нижней дате гнёздовских курганов в сторону их удревнения до IX века. Для этого они привлекают материалы кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского. Дату этого кургана, видимо, следует определить X веком²⁵. Чтобы опровергнуть предложенную мной

²⁰ Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко. Указ. соч., стр. 239.

²¹ Е. А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнёздова. — «Советская археология», 1970, № 3.

²² Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. — «Материалы по изучению Смоленской области», вып. V, Смоленск, 1963.

²³ С. С. Ширинский. Курганы IX — первой половины X в. у пос. Новоселки. — Сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 114—116.

²⁴ Л. С. Клейн и др. Норманские древности..., стр. 239.

²⁵ Д. А. Авдусин. О датировке Гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского. — «Культура и искусство Древней Руси», Л., 1967, стр. 21—25.

датировку по гривне с привесками в виде молотков Тора, публикуется статья о датировке таких гривен в Западной Европе²⁶. Однако рассуждения о распространении этих предметов в Западной Европе не могут заменить доказательств их хронологии в Восточной Европе, где они могли появиться гораздо позже, как, видимо, и было в действительности. В качестве аналогии можно привести пример появления хрустальных и сердоликовых бус в Восточной Европе в более позднее время, чем они стали бытовать на Западе. Это явление еще следует изучить, но уже сейчас высказывается точка зрения, что появление таких бус в нашей стране относится к X веку.

В. А. Булкин и В. А. Назаренко правильно отмечают, что отдельные ранние погребения не говорят о времени начала функционирования Гнёздовского кладбища²⁷. Но предлагаемый ими критерий определения этой даты свидетельствует, что подлежащие источниками ими не подвергнуты анализу. Речь идет о круглых малоинвентарных и безинвентарных курганах, о которых уже говорилось выше. Появление таких насыпей на Верхнем Днепре В. А. Булкин и В. А. Назаренко относят вслед И. И. Ляпушкину к VIII—IX вв., а в Гнёздове — к IX веку. Чтобы понять ошибочность такой даты, достаточно упомянуть, что абсолютное большинство горшков из таких курганов сделано на гончарном кругу, т. е. датируются временем не раньше середины X века. Начало возведения гнёздовских курганов — X век. Это подтверждают и иные доказательства, но они не являются темой данной статьи.

Вопрос о характере поселения в Гнёздове решен раскопками в 1960—1973 гг. Гнёздово, его курганы и поселение возникли вместе с днепровским путем и пришли в упадок с началом использования более удобного пути через Воль²⁸. Гнёздово — не международная ярмарка, подобная Бирке. Это только ворота в Днепр.

Проблема соотношения Гнёздова и Смоленска встала с первыми раскопками курганов. Уже В. И. Сизов предположил параллельное существование Гнёздова и Смоленска, отводя Смоленску роль административного центра, а Гнёздову — торгово-ремесленного. Вскоре после выхода в свет книги В. И. Сизова А. А. Спицын, издавая материалы раскопок С. И. Сергеева, выступил с необъяснимой на первый взгляд теорией переноса Смоленска с места на место. Однако при вниматель-

ном рассмотрении корень этой гипотезы можно найти в несоответствии дат летописи и вещевого материала из Гнёздова. В. И. Сизов указывал, что Гнёздово надо относить к X веку, но с летописной поправкой его надо датировать IX—X вв. Он имел в виду упоминание летописью похода Олега через Смоленск и считал варягов, похороненных в Гнёздове, как-то связанными с войском Олега²⁹. А. А. Спицын, судя по всему, разделял взгляд Сизова о связи похода Олега с Гнёздовом и также датировал курганы X веком³⁰. Однако Спицын считал, что Смоленск был тут же, в Гнёздове. Если это так, рассуждал, вероятно, Спицын, то в X веке Смоленск был на Центральном городище, где находят вещи X века и которое окружено курганами того же столетия. Где же стоял Смоленск в IX веке? Вероятно, на Ольшанском городище, которое тогда еще не раскапывалось и было окружено нетронутыми курганами. Спицын так и писал: «Место его (Смоленска. — Д. А.), быть может, городище, расположенное при впадении в Днепр р. Ольши, близ которого и должны оказаться древнейшие курганы Гнёздова»³¹ (разрядка моя — Д. А.). Значит, А. А. Спицын не видел в Гнёздове древностей IX века и заставил Смоленск кочевать только потому, что связывал Гнёздово с Олегом. Увы, ольшанские курганы оказались не древнее центральных, а городище возникло только в XVI веке.

Сама теория о переносе городов (именно о переносе города, а не о перемене названия идет речь у А. А. Спицына), когда-то модная, теперь выглядит ненаучной. Перенос города означал не только перенос жилищ его населения, не только возведение новых оборонительных сооружений, но и перенос окрестных деревень, питавших его, но и расчистку новых лугов и пашен для их жителей, но и прокладку новых дорог и иные трудоемкие и дорогостоящие действия. Вряд ли подобная теория имеет право на существование в наши дни не только для Смоленска, но и для любого города. И. И. Ляпушкин и В. А. Булкин не проанализировали теорию Спицына и впали в ошибку³².

Я не касаюсь множества других, мелких ошибок в работах ленинградских коллег по Гнёздову и норманской теории. Для частностей в этой статье нет места. Но на основании сказанного выше строятся сомнительные «теории» с норманистским оттенком. Такова, например, статья Г. С. Лебедева и В. А. Наза-

²⁶ И. В. Дубов. О датировке железных шейных гривен с привесками в виде «молоточков Тора». — Сб. «Исторические связи Скандинавии и России». Л., 1970.

²⁷ В. А. Булкин и В. А. Назаренко. О нижней дате Гнёздовского могильника. КСИА, вып. 125, М., 1971.

²⁸ Д. А. Авдусин. Гнёздово и днепровский путь. — «Новое в археологии». Сборник в честь А. В. Арциховского. М., 1972.

²⁹ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 123.

³⁰ А. А. Спицын. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. — «Известия археологической комиссии», вып. 15, СПб., 1905, стр. 7, 18.

³¹ Там же, стр. 7.

³² В. А. Булкин. Гнёздовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1973, стр. 20; И. И. Ляпушкин. Гнёздово и Смоленск. — Сб. «Проблемы истории феодальной России». Л., 1971, стр. 37.

ренко³³. Там говорится о городской культуре со скандинавскими элементами на Руси во второй половине X века, ставится вопрос о значительности скандинавского влияния на прикладное искусство Руси, говорится о проникновении скандинавов на Днепр в IX веке и т. д.

К подобным ошибкам норманистского толка могло привести поверхностное отношение к источникам и работам предшественников.

³³ G. S. Lebedev and V. A. Nazarenko. The Connections between Russians and Scandinavians in the 9-th — 11-th Centuries. — Norwegian Archaeological Review. Vol. 6, No 1, 1973.

VARJAAGIDE KÜSIMUSE ARHEOLOOGILISTE ALLIKATE UURIMISEST

D. AVDUSIN

Resüme

Viimasel ajal on ilmunud rida artikleid, kus lükatakse ümber nõukogude ajaloolaste mitmeid varasemaid seisukohti normannide küsimuses. Diskussiooni põhjustavad endiselt Gnjozdovo arheoloogilise kompleksi väljakaevamise materjalid Smolenski lähedal, kuid tähelepanu on äratanud ka teised muistised. Autorid piiravad normanniprobleemi Vana-Vene riigi iseloomu küsimusega, jättes välja kultuurilise mõju. Nad vihjavad vene rakenduskunsti sünkreetusele, aga skandinaavia mõju sellele on tähelepanud. Autorid hoiavad kinni vananenud linnade ülekandmise teooriast. Tõestavad (ilma erilise aluseta) skandinaavlaste varasemat ilmumist Ulem-Dneprile. Vigased on ka kronoloogilised andmed ning autorite järeldused matetute etnilise kuuluvuse kohta. Selliste vigadeni on viinud artiklite autorite pealiskaudne suhtumine ajaloolallikate ja eelkäijate tööde kasutamisse.

OM STUDIET AV ARKEOLOGISKA KÄLLOR I VARJAG-FRÅGAN

D. AVDUSIN

Resumé

Under senare tid har man kunnat stöta på en rad artiklar, som reviderar vissa i den sovjetiska historieforskningen redan befästa lösningar på det normanska problemets grundläggande frågor. Centrum för diskussionen utgör material från utgrävningarna av det arkeologiska komplexet vid byn Gnjozdovo utanför Smolensk, men även andra fornminnesmärken tillämpas. Det normanska problemet förenklar författarna till en fråga om den fornryska statens karaktär, varvid de utesluter en definition av det kulturella inflytandets aspekter. Samtidigt antyder de, att nyttokonsten i det gamla Ryssland var primitiv och det skandinaviska inflytandet betydande. Författarna vidhåller den föräldrade teorin om förflyttning av städer. De bevisar (utan speciella grunder) skandinavernas tidiga intrång vid Övre Dnepr. De kronologiska beräkningarna och författarnas slutsatser om de begravdas etniska tillhörighet är också felaktiga. Bakom dessa misstag med normansk inriktning ligger artikelförfattarnas ytliga förhållande till användandet av historiska källor och föregångarnas arbeten.